

ВОЦАРЕНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА

КОСТРОМСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

21 февраля 1613 г. на Лобном месте рязанский архиепископ Феодорит, новоспасский архимандрит Иосиф, троицкий келарь Авраамий Палицын и боярин В.П. Морозов объявили собравшемуся народу, что новым царем избран Михаил Федорович Романов. Это известие было встречено всеобщим ликованием, как повествует «Сказание Авраамия Палицына»¹.

Однако самого виновника торжества в Москве не было. Сразу после освобождения Кремля вместе с матерью он отправился в костромское имение Домнино для поправки здоровья. Но из-за опасности быть ограбленными шайками разбойничающих казаков и поляков они были вынуждены переселиться в костромской Ипатьевский монастырь. Именно в это время совершил свой подвиг Иван Сусанин.

Для избирателей Земского собора отсутствие кандидата на престол создало определенные трудности. Во-первых, не было точно известно, согласится ли Михаил стать царем в столь сложное и трудное время. Во-вторых, жители отдаленных городов не должны были знать о том, что избранник не в Москве. Ведь заочное избрание выглядело очень ненадежным и подозрительным. (Некоторые могли вспомнить восстание И. Болотникова, пытавшегося посадить на престол несуществующего царя Дмитрия.)

Поэтому на Земском соборе решили разослать грамоты по городам без сообщения об отсутствии в столице Михаила. Кроме того, был составлен текст крестоцеловальной записи, которую следовало подписать всем жителям Русского государства. До нас дошло два неидентичных текста этой крестоцеловальной записи. Первый датирован февралем 1613 г. и опубликован в СГГД (ч. 3). Второй назван «крестоприводной записью белозерцев» и опубликован в ДАИ (т. 2).

В первом тексте отмечено, что следует целовать крест не только царю Михаилу Федоровичу, но и его царице и их царским детям, которых ему Бог даст в будущем. Во втором тексте упомянуты только царские дети².

В первом тексте следовало поклясться в том, что кроме Михаила Федоровича «на Владимирское и на Московское государст-

во и на все великие государства Российского царствия иного государя из иных государств, литовского или немецкого короля и королевичей и царей и царевичей и иных земель и из русских родов никого и Маринки и сына ея на Московское государство не хотели и государство под ним, государем, не подыскивать»³.

Во второй записи следовало дать клятву в том, чтобы не изменять «к турецкому и к цесарю христанскому, и к папе Римскому, и к испанскому, и к королю литовскому, и к свитцому, и в Крым, и в Кизылбаши, и в Бухары, и в Нагаи, и ни в которые государства не отъезжати... и о лихом деле не ссылатся письмом и словом и всякими делы»⁴. Относительно других претендентов на престол во второй записи нет никаких уточнений.

В первой записи нет подробного перечня мест, куда не следует отъезжать, указаны только Крым, Литва и «в немцы». Но согласно первой записи следовало оберегать здоровье Михаила Федоровича и биться со всеми, кто затевает против царя заговор, «скоп или иной какой умысел». Кроме того, ничего нельзя было делать самовольством, без государева указа, «никого не грабить, не побивать и дурного не причинять»⁵.

Во второй записи относительно здоровья государя отмечено, что на него нельзя покушаться: порчей, зельями, злыми кореньями и не покрывать тех, кто замышляет что-то злое⁶.

В целом текст второй записи более подробный. В нем отмечено, что клянущийся обязан верно служить, городов никому не сдавать, в полках биться до смерти. Особо отмечено, что нельзя желать на государство Маринку и ее сына и не ссылатся с Ивашкой Заруцким. С ними следовало биться до смерти. Кроме того, необходимо было арестовывать всех тех, кто с ними ссылался, а если это было сделать невозможно, то об их злых умыслах необходимо было извещать воевод, старост и т.д.⁷

Белозерцы должны были поклясться в том, что они не будут грабить и убивать государевых людей. Нельзя им было связываться с изменниками М. Салтыковым и Ю. Трубецким и их сторонниками. С ними всеми следовало биться до крови. Также было запрещено поддерживать связь с Великим Новгородом, Корелой, Яковом Пунтусовым и «немецкими людьми», т.е. шведами, новгородским митрополитом, новгородским духовенством, боярином И.Н. Одоевским, дьяками, дворянами, новгородскими купцами, пятиконецкими старостами и со всеми земскими людьми Новгорода и Корелы⁸.

Как видим, второй текст крестоцеловальной записи был более подробным с точки зрения перечня врагов и недругов царя Михаила Федоровича в 1613 г. Это были и бежавшие в Речь Пос-

политую бояре и дворяне, которые поддержали претензии Владислава на московский трон, и Марина Мнишек с И. Заруцким, и новгородская верхушка, целовавшая крест Карлу-Филиппу.

Отличие в текстах крестоцеловальной записи может свидетельствовать о том, что он не был единым для всех городов. В каждом учитывалась местная специфика: удаленность от центра, близость к границам враждебных государств и т.д. Возможно, что крестоцеловальные записи посылались вместе с грамотами об избрании Михаила Федоровича, и население должно было как можно скорее их подписать.

Пока по городам рассылались грамоты и крестоцеловальные записи, на Земском соборе решался вопрос о том, кто поедет к избранному царю Михаилу Федоровичу и как уговорить его принять царский титул.

После долгих совещаний, 2 марта 1613 г. приговорили следующее: «Ехати к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси в Ярославль или где он, государь, будет, Феодориту, архиепископу Рязанскому и Муромскому, да архимандриту чудовскому, Троице-Сергиева монастыря келарю Авраамию, Спаса-Нового монастыря архимандриту, Симонова монастыря архимандриту, благовещенскому протопопу, архангельскому протопопу, из собора ключарю, Николы Зарайского протопопу да боярам: Федору Ивановичу Шереметеву, да князю Владимиру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, да окольным Федору Васильевичу Головину, и стольникам, и стряпчим, и приказным людям, и жильцам, и выборным людям из городов по спискам, а списки даны боярам»⁹.

Несомненно, что это было достаточно представительное посольство. Характерной особенностью его состава являлось то, что в нем не было руководителей ополчений. Духовенство было либо московским, либо из близких областей (Рязани). Ф.И. Шереметев был родственником Михаила, В.И. Бахтеяров-Ростовский – по жене родственником царя Василия Шуйского и от него получил боярство (с царицей Марией Буйносовой была дружна мать Михаила Марфа Ивановна), в ополчениях активного участия не принимал. Стольники, стряпчие, приказные люди и жильцы были, видимо, представителями старого царского двора.

Состав Костромского посольства еще раз указывает на то, что не ополченцы избрали Михаила Федоровича. Он был выдвинут тех, кто стремился к восстановлению прежнего царского двора и существовавшей в нем иерархии. Новым ополченческим воеводам в нем не было места. Не признавались и чины, полученные в Тушино и при правлении Сигизмунда.

Послы получили от руководства Земского собора наказ, в котором детально описывалось их поведение во время встречи с Михаилом и его матерью.

Первым должен был обратиться к царю архиепископ Феодорит. Он передавал ему благословение от Кирилла и всего Освященного собора. Далее следовало говорить боярину Ф.И. Шереметеву и бить челом от имени светских лиц: бояр, окольных и т.д. Это было своеобразным приветствием.

Потом Феодорит должен был сказать речь об обстоятельствах, приведших к избранию Михаила на престол: о пресечении царского кореня, о неудачных попытках избрать нового государя (характерно, что о Лжедмитриях вообще не упоминалось), о том, что последнего выборного государя Василия Ивановича многие люди возненавидели и от него отстали. После этого началось междоусобие, которым воспользовались король Сигизмунд и изменники во главе с М. Салтыковым. По их инициативе якобы был прислан гетман Жолкевский, чтобы договориться о воцарении королевича Владислава. На самом деле король вознамерился завладеть Московским государством, русских людей превратить в подданных Литвы и Польши, православную веру поправить и ввести латынство. В итоге в Москву был введен польский гарнизон, бояр схватили и некоторых держали «за приставы», многих москвичей убили, церкви разорили.

«По милости Божии» собрались в городах боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский и очистили Москву от польских и литовских людей¹⁰.

Как видим, авторы Наказа представили «седемочисленных» бояр не сторонниками поляков, а жертвами их произвола. Опустили они и данные о том, что было два ополчения и в числе их руководителей были не только Трубецкой и Пожарский.

Детально в наказе была описана лишь работа Земского собора: во все города были разсланы грамоты с просьбой прислать выборщиков с текстом «полных договоров», т.е. мнением всех горожан; когда лучшие люди съехались, начались заседания и споры о кандидатуре нового царя. Сначала решили не избирать иностранных королевичей, потом договорились «не хотеть Маринки с сыном». Наконец, 21 февраля все собрались в Успенском соборе и после длительного молебна пришли к единой мысли, которую вложил в сердца Бог, – избрать «на Владимирское и Московское и на все государства Росийского царствия царем и великим князем всея Руси праведного корени блаженные памяти великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси

племянника тебя, государя, Михаила Федоровича”. После этого все бояре, окольные и другие чины поцеловали крест избраннику и отправили посланников по городам, чтобы приводить население к крестному целованию. Через короткое время из многих городов были присланы крестоцеловальные записи с подписями их жителей¹¹.

Далее Феодорит должен был обратиться к Михаилу с просьбой «собрать во единство и принять под свою государеву паству и под высокую свою десницу» всех русских людей, принять на себя возложенную честь и ехать на свой царский престол к Москве. Эту просьбу должен был поддержать Ф.И. Шереметев и сказать, что все русские люди с радостью готовы служить Михаилу Федоровичу, с нетерпением ждут его в Москве и готовы встретить с чудотворными иконами и животворящими крестами «по царскому достоинству»¹².

После этого, посланцам следовало обратиться к матери Михаила, Марфе Ивановне, и сказать ей приблизительно то же, что и сыну. Отличалась только просьба – Марфе следовало благословить Михаила быть государем, царем и великим князем всея Руси.

В случае согласия Михаила стать царем, послы должны были немедленно сообщить об этом в Москву и указать дату прибытия государя в столицу. Но если избранник начнет размышлять и отказываться от возложенной на него чести, послам необходимо было умолять его «всякими обычаями». Ему следовало сказать, что «великое дело сделалось не от людей и не его государским хотением, по избранию Бог учинил его, государя, государем царем и великим князем всея Руси».

Составители наказа предполагали, что одной из причин отказа Михаила может быть то, что его отец, находившийся в польском плену, будет наказан за воцарение сына. В этом случае послам следовало уверить царя в том, что за его отца предложат в обмен много знатных поляков, находящихся в русском плену¹³.

Вместе с наказом были составлены грамоты от собора к Михаилу Федоровичу и Марфе. Грамота к Михаилу дошла в черновом варианте в составе «Дела об избрании на царство Михаила Федоровича» (л. 1–7) и в белом виде в составе Разрядной книги 1613 г.¹⁴

В целом между черновым и белым вариантом смысловых отличий не много, за исключением того, что л. 2–3 черного варианта имеют много утрат текста. Они восстанавливаются по белому варианту. Содержание грамоты во многом повторяет текст наказа и грамоты в города об избрании Михаила. Отличия можно заметить в перечне чинов, присутствовавших на соборе:

бояре названы «холопы твои», (л. 1), вместо «жилицкие люди» написано «черные люди» (л. 4). Первое добавление должно было подчеркнуть, что бояре готовы служить Михаилу в любом качестве. Второе изменение было, видимо, сделано для того, чтобы отметить, что Михаила избирали дееспособные люди, а не холопы и слуги.

Еще одно отличие касается положения бояр при поляках. В грамотах в города об этом не писалось. В наказе было отмечено, что бояр в Москве захватили силой и некоторых содержали под стражей. В грамоте к Михаилу отмечено, что «бояр захватили в Москве сильно и держали их за приставы», т.е. все находились под стражей (л. 2). Эта версия, естественно, была искажением реальных фактов.

В грамотах в города писалось, что сначала на соборе было решено не избирать на престол иностранных королевичей. В грамоте к Михаилу отмечено, что прежде всего пришли к мысли избрать государя из московских родов, «кого Бог даст», а потом уж решили не избирать иностранцев (л. 3).

В текст грамот, отправленных в города, были сделаны добавления из наказа о том, что многие люди с радостью целовали крест Михаилу и все готовы биться с его неприятелями, польскими, литовскими и немецкими людьми (л. 6).

Определенный интерес в черновом варианте грамоты к Михаилу представляют исправления в перечне членов Костромского посольства. Первоначально в него должны были входить следующие духовные лица: архиепископ Феодорит, чудовский архимандрит, новоспасский архимандрит, Павлова монастыря игумен, благовещенский протопоп, соборный ключарь. Потом игумен Павлова монастыря был вычеркнут и добавлены: келарь Троице-Сергиева монастыря, архимандрит Симонова монастыря, протопоп Архангельского собора (л. 7). Следует отметить, что далее в текст наказа еще добавлен никола-зарайский протопоп. Есть изменения и в перечне чинов, по сравнению с наказом. Добавлены «дворяне большие», дворяне, дети боярские из городов, московские гости, «черные люди», атаманы казаки, стрельцы (л. 7).

Все отличительные особенности грамоты к Михаилу свидетельствуют о том, что посольство к нему хотели сделать как можно представительнее, поэтому его состав был расширен за счет известных духовных лиц и представителей различных сословий. Но в целом содержание грамоты было во многом схоже с текстами грамот в города и наказа.

Грамота к великой государыне инокине Марфе Ивановне дошла только в составе Дворцовых разрядов и Разрядной книги

1613–1614 гг. Основное ее содержание идентично грамоте к Михаилу, за исключением обращения и заключительной части, в которой содержалась просьба к Марфе благословить сына на царство.

По непонятной причине в составе архивного дела черновика этого письма нет.

О деятельности Костромского посольства известно из грамот, которые были отправлены в Москву, и из «Сказания Авраамия Палицына». Посольство выехало из Москвы после 2 марта 1613 г. Первоначально предполагалось, что Михаил Федорович находится в Ярославле. Но в этом городе выяснилось, что он в Костроме.

13 марта посольство прибыло в пригороды Костромы и остановилось в селе Новоселки. Тут же отправили гонцов к местному воеводе и к Михаилу Федоровичу в Ипатьевский монастырь. Вернувшись, они сообщили, что избранный царь готов принять послов на следующий день. Воевода же решил собрать всех местных жителей, чтобы присоединиться к процессии в монастырь.

Утром 14 марта все оделись в парадные одежды, выстроились, согласно чинам, и в сопровождении огромной толпы костромичей отправились к Ипатьевскому монастырю. Духовенство несло чудотворный образ Пречистой Богородицы, по преданию написанный митрополитом Петром, иконы Петра, Алексея и Иоанна и кресты, а также самый почитаемый в Костроме образ Федоровской Богородицы.

В воротах Ипатьевского монастыря процессию встретили Михаил Федорович и его мать. Получив благословение архиепископа Феодорита и узнав о цели послов, Михаил и Марфа с великим гневом и плачем стали отказываться от оказанной им чести. Долгое время они не хотели войти в местный собор, чтобы получить там грамоту от Земского собора. Послы многие часы умоляли их не отвергать всенародного прощения. Наконец, будущий царь и его мать вместе со всеми вошли в Троицкий собор. Там был отслужен молебен государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу и его матери, и послы, согласно наказу, обратились к ним с речью и подали грамоты¹⁵.

Выслушав Феодорита и Шереметева, прочитав грамоты от собора, Михаил «со слезным плачем и гневом» ответил отказом и сказал, что никогда не помышлял «быть на таких великих государствах государем».

Тогда послы обратились к матери, к Марфе Ивановне, чтобы «она пожаловала Московского государства всех чинов людей, не презрила моления и слезного рыдания, благословила на Московское и Владимирское государства и на все государства

Российского царствия государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси». Но и Марфа отказала послам, сославшись на то, что сын ее еще не в совершенных летах. Кроме того, она сказала, что московские люди «по грехам измалодушествовались, прежним московским государям, дав свои души, непрямо служили». Она напомнила о том, что когда-то москвичи клялись верно служить царю Борису и его семье. Но после его смерти изменили и отъехали к вору Гришке Расстриге. В итоге царь Федор и его мать были преданы горькой смерти, а царевна Ксения была пострижена. Потом и Гришку Отрепьева убили и сожгли, выбрали царем Василия Ивановича, но вскоре многие и ему изменили и отъехали в Тушино к новому Вору. Оставшиеся в Москве скинули с царства Василия Ивановича, постригли его и отдали польскому королю в плен. «И видя такие прежним государем крестопреступление и позоры, и убивства, и поругание, как быти на Московском государстве и прирожденному государю государем?»¹⁶

Несомненно, что все эти обличения старицы Марфы были очень справедливыми. Ведь сами русские люди были повинны в смерти и свержении сразу нескольких государей. Бесконечная чехарда на престоле привела к полному разорению Русского государства и превратила его в легкую добычу польско-шведских интервентов.

Марфа указала на то, что царские сокровища вывезены литовскими людьми, дворцовые села и черные волости, пригороды и посады розданы в поместья служилым людям и запустошены, сами служилые люди бедны, жаловать их нечем, снаряжать их для борьбы с многочисленными недругами средств нет. В итоге, если она благословит сына на царство, то этим его погубит. Напомнила она и о том, что отец Михаила в польском плену, и король, мстя за воцарение сына, может совершить над ним зло. Кроме того, без отцова благословения Михаилу нельзя садиться на престол¹⁷.

Несомненно, что аргументы Марфы против воцарения Михаила Федоровича были очень убедительными, поэтому послам оставалось лишь плакать и бить челом. Наконец они собрались с мыслями и ответили так: Михаил был избран не собственным хотением или желанием, а по воле Бога, который внушил всем русским людям единую мысль о том, что только он достоин быть новым царем. Борис же Годунов взошел на престол с помощью цареубийства, Гришка Отрепьев по своим делам от Бога мести принял, царя Василия избрали на царство немногие люди, остальные же от него отложились. Потом появились ставленники польского

короля: Тушинский вор и гетман Жолкевский, которые смутили москвичей и побудили их свергнуть царя Василия¹⁸.

Характерно, что послы ни разу не упомянули о вине «Семибоярщины», ставшей служанкой короля Сигизмунда. Несомненно, что Марфа и Михаил это заметили, поэтому с еще большим упорством стали отказываться от престола. Не помогло и умоление чудотворными иконами. Шесть часов подряд послы плакали и молили о милости. Наконец, один из послов сказал, что если Михаил окончательно откажется от престола, то в Москве наступит скорбь и печаль, поскольку государство будет окончательно разорено неприятелями, а православная вера будет разрушена. За все это и за кровь невинных жертв Бог взыщет с Марфы и Михаила¹⁹.

Несомненно, что последние слова заставили задуматься великую государыню старицу Марфу Ивановну. Она могла догадываться о том, какие жаркие дебаты были на соборе по поводу кандидатуры нового царя и как непросто далось единомыслие по поводу избрания ее сына. Отказ мог вызвать новое междоусобие и окончательное ослабление государства. К тому же послы обещали выволить из польского плена Филарета, в противном случае он мог навсегда остаться во власти Сигизмунда. В итоге, после долгого размышления и молитвы у чудотворных икон Марфа благословила сына на царство.

Михаил, в свою очередь, принял послание от собора, взял в руки царский посох и был благословлен Феодоритом. После этого начались всеобщая радость и ликование. С этого времени Михаил Федорович стал считаться нареченным государем. Обо всем этом тут же было отписано в Москву²⁰.

Грамота архиепископа Феодорита и всех членов посольства к митрополиту Кириллу и членам Земского собора дошла до нас в беловом виде в составе архивного «Дела об избрании» (л. 28–46), в составе Разрядной книги 1613 г., в составе «Дворцовых разрядов» и была опубликована в СГГД (ч. 3. С. 39–65). Различия между всеми текстами очень незначительные и могут объясняться невнимательной перепиской.

Архивный список беловой, с адресом на обороте. Филигрань – «Маленький одноручный кувшин с украшением в виде колец, в центре кувшина литера “П”». Аналогий в альбомах филиграней не обнаружено.

Грамота Феодорита адресована митрополиту Кириллу и всем участникам собора без указания имен. В ней подробно описана деятельность Костромского посольства: приезд в Кострому вечером 13 марта, крестный ход в Ипатьевский монастырь на следующее

утро, многочасовое умоление Михаила и Марфы принять оказанную им честь. Ее содержание идентично соответствующей записи в Разрядной книге 1613 г. Это дает право предположить, что именно грамота Феодорита стала источником Разрядной книги.

Беловой характер грамоты Феодорита в архивном деле говорит о том, что этот список был отправлен в Москву. Он стал как бы отчетом посольства перед Земским собором. После этого послы вошли в окружение Михаила и стали сопровождающими нареченного царя на всем протяжении его пути в столицу.

ПЕРЕПИСКА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА С ЗЕМСКИМ СОБОРОМ И ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Михаил Федорович и Марфа Ивановна хорошо знали о том, что в Москве к их приезду ничего не готово: дворец разорен, продовольствия и денег в казне нет, поэтому не стали торопиться с поездкой в столицу. Только 19 марта они решили двинуться в путь, хорошо зная, что из-за весенней распутицы вскоре дороги будут непроходимыми. Сложной будет и переправа через Волгу. В итоге вся поездка заняла 7 недель в то время, как послы добрались до Костромы всего за 12 дней, а гонцы преодолевали это расстояние за четыре–шесть дней.

Между нареченным царем и временным московским правительством установилась активная переписка, отложившаяся в архивном «Деле об избрании на царство Михаила Федоровича». Как уже отмечалось, письма Михаила носили беловой характер, письма же временного правительства были черновиками. Значит, весь комплекс сформировался при московской канцелярии. Аналогичный комплекс должен был быть и у дьяков Михаила Федоровича, но он не сохранился.

Интересной особенностью переписки являлось то, что из различных городов грамоты на имя Михаила приходили не только к нему самому, но и в Москву к временному правительству, которое писало ответы тоже от имени царя. Ведь официально именно он был главой государства.

Следует отметить, что исследуемая переписка и раньше привлекала внимание историков. Так, С.М. Соловьев упоминал некоторые грамоты, С.Ф. Платонов в статье «Московское правительство при первых Романовых» указал, что данная переписка является важным источником о первых шагах молодого царя в качестве государя. По его мнению, она наглядно свидетельствовала о том, что его власть ничем не была ограничена²¹.